

СОМНЕНИЯ В БОЖЕСТВЕ ИИСУСА ХРИСТА*

«Се, лежит Сей на падение и на
восстание многих в Израиле и в
предмет пререканий» /Лук.2:34/

Прошли века, прошли тысячелетия, а пророчество Богоприимца Симеона еще не отжило своего времени, не потеряло своего значения. Еще и теперь бывают падения и восстания, еще и теперь идут пререкания о Христе, теперь даже более, чем когда-либо. Теперь ополчились против Христа Богочеловека не только серьезные ученые, люди великого ума и больших познаний, но и простые, необразованные, мало просвещенные люди. Теперь отрицают Божество Иисуса Христа не только язычники, но и христиане, не только враги Христа, но и последователи Его учения, исполнители Его заповедей, не только взрослые, большие, но даже молодежь.

Словом, сомнения в Божестве Христа все растут и растут, и чем дальше, тем все быстрее и быстрее.

В такое бурное и тревожное для христиан время, в период оживленных и бесконечных пререканий о Христе Иисусе, не мешало бы нам, православным христианам, лишний раз осмотреть свои боевые позиции, критически оценить аргументы своих религиозных противников и подвести итоги многолетней полемики по данному вопросу.

---

* Текст приводится (в соответствии с современной орфографией) по книге: Введенский А. П. Сомнения в Божестве Иисуса Христа. — Одесса: Типография Л. Нитче, 1914. В издании 1914 года сноски к цитатам в некоторых случаях не уточнены самим автором, поэтому в современном издании такие сноски выделены курсивом.

Кто был Иисус Христос? Бог, человек или же Богочеловек? Вот вопрос.

Многие, если не все, решают этот вопрос чисто теоретическим путем. Берут в руки Евангелие или же другую какую-нибудь книгу, например: «Жизнь Иисуса Христа» Ренана, перечитывают ее от начала до конца и выводят такое заключение, что Иисус Христос был простой, обыкновенный человек, не больше.

Нам думается, что так решать данный вопрос ни в коем случае нельзя. Мы не с той стороны все подходим к вопросу. Решаем вопрос с конца. Спорим о выводе, не имея посылок. Проверяем сумму, итог, не зная слагаемых, цифр, данных для сложения. В детстве мы принимаем от старших на веру. Так говорят нам, и мы верим. И есть счастливцы, что сохраняют эту детскую веру до конца жизни. Счастливцы: «Блаженны не видевшие, но веровавшие», — сказал о них Сам Спаситель. Но не всем это удается. У многих, у большинства жизнь растрясет эту веру, нарушит ее целостность и спокойствие. Душа, как Фома, хочет вложить персты в язвы гвоздиные, убедиться сама. И Евангелие дает тому все средства. Что Иисус Христос есть Сын Божий, Богочеловек, это вывод, сумма, итог нашей веры. Из чего? Вот тут и вопрос. Тут же и решение. Нафанаил не верил, что Филипп нашел Христа Мессию.

— Из Назарета может ли что доброе быть? — говорил он.

— Поди и посмотри, — ответил Филипп.

Нафанаил пошел к Иисусу, и дело кончилось тем, что Нафанаил воскликнул:

— Равви, Ты — Сын Божий, Ты — Царь Израилев!

Самарянка не знала, Кто сидел пред ней у колодца. Когда же Иисус сказал ей несколько слов, она, вникнув в их силу и смысл, поняла, что пред ней больше чем обыкновенно

венный человек. Пошла и сказала жителям своего селения. Те упросили Иисуса Христа остаться у них. Иисус Христос пробыл два дня, учил самарян, и многие из них, сказано в Евангелии, уверовали в Него.

— Уверовали не потому, что ты нам сказала, — говорили они самарянке, — а потому, что сами слышали.

В больших размерах это видно на апостолах. Иисус проповедует им и при них совершает дела милосердия, творит чудеса. Ученики все это видят и слышат. У них получают впечатления, одно за другим. Впечатления эти копятся, слагаются вместе, образуют одно целое. Какое? Ученики определяют ясно.

— За кого вы принимаете Меня? — спрашивает их Иисус после долгого общения с ними.

— Ты — Христос, Сын Бога Живаго! — убежденно, от лица всех учеников, отвечает Симон Петр.

Вот вывод, основанный на опыте. Конец долгого пути. Если и люди хотят быть убежденными в выводе, хотят решить «тревожный и важный» вопрос, они должны пройти все посылки, продумать все, что говорил Иисус Христос, прочувствовать всю Его жизнь и тогда только спрашивать себя:

— Кто Он?

Только вопрос будет уже излишним. В душе сложится сам собою ответ, — ответ апостолов:

— Ты — Христос, Сын Бога Живаго!

Еще раз повторяем: не теоретическим, а практическим путем должно решать вопрос — человек или Богочеловек Иисус Христос?*

---

* Никодим. Б. С. П. — СПб., 1904. С. 14 — 15.

Но современники наши решают означенный вопрос, к сожалению, исключительно теоретически. Посему и мы, при критическом обзоре их сомнений, должны вращаться только в области теоретических рассуждений, а не опытных переживаний.

Но, переходя и на эту почву, мы все-таки должны сказать, что и здесь можно найти достаточное количество веских и прочно обоснованных доказательств в пользу Божественности Христа Спасителя.

Мы сейчас убедимся в этом, как только приступим к критической оценке современных сомнений. Кто был Иисус Христос?

Многие прямо, не задумываясь, но вполне, по их мнению, убежденно, сознательно отвечают, что Иисус Христос был простой, обыкновенный человек, но только высоких нравственных качеств, воплотивший в Себе высшие Божеские мотивы и цели, человек, который, по выражению Толстого, «дал нам истинный путь жизни взамен того ложного пути личной жизни, по которому мы шли прежде» (В чем моя вера?*).

Так все говорят, все думают, кто только усомнился в Божественности И. Христа. Нет ни одного человека, ни одного еретика и безбожника, который посмел бы бросить тень на чистую и непорочную душу великого «галилеянина».

Мы сами преклоняемся пред нравственным величием Христа Спасителя. Но мы не останавливаемся на полдороги. Мы идем дальше. Мы утверждаем, что Иисус Христос был не только человек, но и Господь Бог. Признать же в Нем только одно естество, видеть в Нем только человека, хотя бы и нравственного, невозможно. Это будет противоречием, безумием.

---

* *Всемирный Вестник*. 1906. С. 10.

Если Христос был только человек, а не Бог, то Он был, — да простят нам такие выражения, — дурной, безнравственный, бесчестный человек. Он был лжец, обманщик, так как все человечество обманул величайшим из всех обманов, утверждая, что Он был Сын Божий, Богочеловек. Он был «дурной» человек, потому что Он мечтал о Себе бесконечно много и сознательно вводил других в заблуждение, хладнокровно и без всяких иллюзий обрекая доверчивых и простодушных Своих учеников на мучение и на смерть.

Далее. Если Христос был только человеком и если Он выдавал Себя за Сына Божия не в целях обмана, а по Своему глубокому внутреннему убеждению, значит, Он был «самообольщенным мечтателем», которому доверяться ни в коем случае нельзя и идти за которым весьма рискованно и опасно, ибо «если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» /Матф.15:14/.

В том и другом случае, какой глубокий и смертельный удар наносится нашей вере! Спрашивается: в кого мы верим? На кого возлагаем свои вековые надежды? В ком ищем своего спасения? За кем идем? И куда идем? Неужели за самообольщенным мечтателем, за мировым лгуном и обманщиком? Неужели «самообольщенный мечтатель» овладел нашими умами и держал нас в плену целые века и тысячелетия? И мы верили в него, почитали его, лжеца и обманщика, за Сына Божия, за Богочеловека? В нем видели путь, истину и жизнь? Да?

Если считать Иисуса Христа за человека, тогда действительно приходится сказать ужасное «да».

Говорят, что Иисус Христос не говорил о Себе ничего подобного, что Он не выдавал Себя за Богочеловека и потому свободен от всех возводимых на Него в этом роде обвинений и подозрений.

«Иисус, — говорит, например, Толстой, — считал Себя таким же человеком, как и другие люди. — Никогда не отрицая сыновности Богу, Он никогда не приписывает ей никакого особенного значения. — Что стоило Ему прямо сказать: Я — Бог, хотя не прямо сказать, а по крайней мере не иносказательно, не так, чтобы можно было без всякого дурного желания понять это иначе. А то Он сказал так, что нельзя понять иначе, как так, что Он прямо утверждал многим, что Он не Бог»*.

Почему Христос не сказал прямо: «Я — Бог».

Да потому, что это невозможно было. Трудно представить себе, что случилось бы, если бы Он выступил с таким утверждением! Это было бы словом разящим, ослепляющим, подобно солнечному полуденному лучу для слабого глаза, и все слушатели должны были бы придать ему ложный смысл. Язычники, иногда слушавшие беседу Христа, подумали бы, что Он считает Себя за одного из многих богов. А иудеи, признававшие единого Бога, решили бы, что Он или отрицает единство Божие, или с безумной дерзостью оскорбляет Высшее Существо, царящее на небесах. И потому все от Него отвернулись бы, перестали бы внимать Его Божественным глаголам, перестали бы ходить по Его стопам. Вот почему с несравнимой мудростью Христос излагает истину постепенно, по частям.

Это во-первых. Во-вторых, можно сказать в ответ на данный вопрос то, что и говорит архиепископ Волынский Антоний, т. е. Иисус Христос потому будто бы сначала ничего не говорил людям о своем Божестве, что щадил людей.

«Что было бы, — восклицает архиепископ Антоний, — если бы Господь начал проповедь Свою с откровения

* Мережковский Д. Лев Толстой и Достоевский. Т. 8. Изд. 2-е. С. 198.

о Своем Божестве, если б, совершая чудеса исцелений, заключал их исповеданием той истины, что Он есть Бог, воплотившийся, но не перестающий быть Богом, равным Отцу?»*

– Было бы то, что люди от ужаса и изумления умирали бы. «Не бо узрит человек лице Мое (говорит Господь) и жив будет» /Исх. 33:20/. Душа наша не может перенести ясного и неприкровенного обнаружения бесконечного существа Божия пред собою. Никто да не подумает, будто в таких словах есть преувеличение. В тех немногих случаях, когда Спаситель открывал не всю истину Своего Божества, а только малую часть Его славы, люди лишались чувств от ужаса; так было и с друзьями Его и с врагами. «Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный», – говорил апостол Петр после чудесного лова рыбы, а во время Преображения Христа на горе учеников Его объял такой страх, что они упали ниц на землю и лежали так до тех пор, пока не окончилось видение славы Господней, и Он, подойдя к ним в смиренном Своем виде, сказал: «Это Я, не бойтесь». Но в другой раз подобные же слова Его: «Это Я», соединенные как бы с внутренним утверждением Своего Божества и сказанные пред целым полчищем врагов его, произвели то, что они «идоша вспять и падоша на землю».

Итак, когда до ума людей доходила мысль хотя бы о некоторой вероятности того, что учитель Иисус есть не простой пророк, а от Бога сошедший на землю, то они приходили в ужас и изумление и никак не смели коснуться Его**.

Судите же теперь, могли бы люди переносить совершенно ясно выраженную и подтвержденную чудесами

---

* Архиепископ Антоний. Полное собрание сочинений. Т. 4. – Почаев, 1906. С. 194 – 195.

** См. Лк.4:30; Иоан.7:30; 8:59; 10:59; Лк.11:19.

мысль, что постоянно обращающийся с ними учитель есть Бог? Ведь не только обыкновенные грешники, но и богопросвещенные пророки и апостолы обмирали от страха, когда являлся им лишь ангел. А видения Бога не могут переносить даже ангелы, архангелы, херувимы и серафимы, со страхом закрывающие лица свои пред Его славой и не могущие ни на одно мгновение успокоить свой дух от трепетно восторженного славословия, как то открыто было пророку Исаии. В-третьих, нельзя согласиться с тем, будто Христос прямо утверждал, что Он не Бог.

Если кому, то прежде всего Он должен бы был утверждать это Своим ученикам и апостолам, чтобы они правильно поняли Его и ясно усвоили Его учение. Но если Он утверждал это им, то ученики и апостолы должны бы смотреть на Христа как на простого, в нравственном отношении целой головою выше других стоявшего человека. В действительности же мы видим совсем обратное. Мы видим, например, что все ученики Христа, все Его апостолы, все без исключения, признавали своего Учителя Богом. Так, когда Христос спросил Своих учеников: «А вы за кого почитаете Меня?», то Симон Петр от лица всех апостолов сказал: «Ты — Христос, Сын Бога Живаго» /Мф.16:16/, или, как повествует евангелист Лука: «За Христа Божия» /Лк.9:20/. Впрочем, ученики Христа еще раньше Петра называли Его Богом. Так, по укрощении бури на Галилейском озере-море, повествует евангелист Матфей, когда Иисус Христос вошел в лодку, «то бывшие в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий» /Мф.14:33/. Затем, когда Спаситель, после Своей беседы о хлебе животном, спросил Своих учеников: «Не хотите ли и вы отойти?» — Симон Петр отвечал Ему: «Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уве-

ровали и познали, что Ты — Христос, Сын Бога Живаго» /Иоан.6:68-69/. Даже Фома, рационалист апостольского времени, и тот в порыве вдохновенной веры, от радости и восторга воскликнул при виде Господа: «Господь мой и Бог мой» /Иоан.20:28/.

Что еще мы замечаем. Не только ученики и апостолы, но и простые слушатели Христа, обыкновенные последователи Его учения, и те исповедуют Христа Богом своим, считают Его за Сына Божия. Так, стоявший напротив Креста Господня сотник, увидев, что Христос испустил дух, сказал: «Истинно человек Сей был Сын Божий» /Марк.15:39/. Гадаринский бесноватый, увидев Иисуса издалека, прибежал, поклонился Ему и, вскрикнув громким голосом, сказал: «Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего?» /Марк.5:7/.

Итак, и апостолы, и простые люди, и здоровые и больные, все смотрели на Иисуса Христа как на Сына Божия, все считали Его Богом.

Теперь вопрос вот в чем. Откуда появился такой взгляд на Христа? Под чьим влиянием он сложился? Как это случилось, что и ученики, и слушатели Христа провозгласили Его Богом?

Нам говорят, что Христос тут ни при чем, что Он стоял в стороне, что вся вина в данном случае лежит на народе; что народ, будучи будто бы обольщен проповедническим талантом Христа и Его изумительно чудодейственной силой, сам дошел до мысли, что к ним явился во образе человека Господь Бог. Разве такого случая не было в новозаветной священной истории? — спрашивают нас. Разве народ, умиленный и изумленный проповедью апостолов Павла и Варнавы, не провозгласил их богами? Не собирався ли принести им тучные всесождения? Не говорил, что «боги

в образе человеческом сошли к нам»? Наконец, разве Самого Иисуса Христа не хотел народ провозгласить царем после чудесного насыщения пятью хлебами и двумя рыбами пяти тысяч человек? Разве не говорил Он, что «это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир»? /Иоан.6:14/. Почему же нельзя думать, что народ и сделал то, к чему стремился, чего хотел, т. е. провозгласил Христа Богом?

Хорошо, мы на время допустим эту мысль, согласимся, что Христа провозгласил Богом народ по своему самообольщению. Но тогда нужно признать и то, что Иисус Христос, как в высшей степени совершенный и нравственный человек, должен был образумить иудеев, поправить их ошибку, обличить в неправде, вывести на истинную дорогу, сообщить им надлежащее понятие о Себе, о Своей деятельности и о Своем назначении.

Однако мы ничего подобного не видим. Христос не только не колебал сложившегося о Нем в народе мнения и взгляда, но еще Сам поддерживал, развивал его. Так, Симон Петр исповедует Его Сыном Божиим, а Он в ответ на это говорит ему: «Блажен ты, Симон, потому плоть и кровь открыли тебе это, а Отец Мой, сущий на небесах». Фома восклицает при виде Его: «Господь мой и Бог мой», а Христос отвечает ему: «Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» /Иоан.20:29/. Разбойник Его молит: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое!» И Христос внемлет его молитве и говорит ему: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» /Лк.23:42-43/.

Более того, Христос не только подтверждает веру народа и учеников в Свою Божественность, но еще Сам требует ее от них. Вот пример. Иисус Христос исцелил слепорожденного. Исцелил в субботу. Фарисеи отлучили слепорож-

денного от синагоги. Услышав об этом, Христос, нашедши его, сказал: «Ты веруешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему» /Иоан.9:35-38/. Тут Спаситель явственно ставит веру в Себя рядом с верой в Бога.

Мы позволим себе прибавить, что Христос никогда не уклонялся от принятия молитвенного почитания. Величайшие святые с ужасом отклоняли его от себя, как, например, Павел и Варнава в Листре, а также ангел у Даниила и в Апокалипсисе. Христос же, по свидетельству Евангелия, принимает не раз это поклонение и одобряет его. Он даже торжественно высказывает, что имеет право на такое же почитание, как Бог Отец: «Чтобы все чтили Сына, как чтут Отца», — прибавляет Он.

В ответ на это Толстой и его единомышленники говорят: «Всякий, читавший Евангелие, знает, что Христос или ничего, или очень сомнительно говорит о том, что Он есть Сын Бога Отца»*.

Это неправда, ошибка, заблуждение. В Евангелии есть положительные, вполне ясные и определенные свидетельства Божественности Христа.

Так, что Христос выдавал Себя за Бога, видно из следующих слов иудеев: «Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом» /Иоан.10:33/. Это ли не прямо и не ясно говорит о том, что Христос свидетельствовал о Себе как о Боге, как о Сыне Божиим, как о Богочеловеке? Да за что же, наконец, распят Христос? «И, встав, первосвященник сказал Ему: [что же] ничего не отвечаешь? что они против Тебя свидетельствуют?

* В чем моя вера? // Всемирный Вестник. 1906. С. 38.

Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?

Иисус говорит ему: ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти» /Матф.26:62-66/.

После таких свидетельств утверждать, что во всем Евангелии нет ни одного места, из которого следовало бы заключить, что Христос считает Себя «не человеком, как все», а Сыном Божиим, — едва ли возможно «без дурного желания». «Чтобы этого свидетельства не слышать, надо заткнуть уши»*.

Может быть, эти свидетельства не покажутся вполне убедительными, тогда приведем другие.

Из Евангелия видно, что Христос приписывал Себе существеннейшие свойства Божества. Так, Он приписывает Себе вечность, говоря иудеям: «Прежде нежели был Авраам, Я есмь» /Иоан.8:58/. И ещё говорит о Себе «от начала Сущий» /Иоан.8:25/. Пред смертью Он говорит Отцу: «Прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» /Иоан.17:5/. Далее, Христос приписывает Себе всемогущество, когда говорит: «Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет» /Иоан.5:21/. И в другом месте: «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит

* Мережковский Д. Лев Толстой и Достоевский. Т. 8. Изд. 2-е. С. 199.

также»/Иоан.5:19/. Даже власть воскрешать мертвых, это высшее проявление всемогущества, Он имеет вместе с Отцом: «Ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет» /Иоан.5:21/. Затем, Христос приписывает Себе все то, что принадлежит одному только Богу, как-то: власть прощать грехи, давать вечную жизнь, жить в душе праведника. Все это признает за Собой Христос. От собственной полноты власти, безо всякой просьбы, Он отпускает грехи расслабленному и Марии Магдалине. Обещает вечную жизнь своим избранным овцам: «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь» /Иоан.5:24/. Еще: обитание в душах Он приписывает Себе и Отцу в дивных словах за Тайной Вечерей: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» /Иоан.14:23/. Наконец, Иисус Христос прямо и решительно заявляет, что «Я и Отец — одно» /Иоан.10:30/. Вот еще одно свидетельство. После беседы о вере Филипп говорит Христу: «Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас». Христос отвечает: «Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам» /Иоан.14:8-11/. В заключение Своей беседы Христос обещает послать ученикам Духа Утешителя, Который исходит от Бога Отца и потому «от Моего возьмет и возвестит вам», так как, говорит Он: «Все, что имеет Отец, есть Мое» /Иоан.16:13-15/.

Можно ли выразить единство с Божеской природой яснее, точнее и определеннее, чем как оно было выражено Христом здесь?

Мы думаем, что нет. Как же после этого «современники века сего» осмеливаются утверждать, что Христос или ничего, или очень сомнительно говорит о том, что Он есть Сын Божий? Наши современники, сомневающиеся в Божестве Иисуса Христа, ссылаются на то, что Иисус Христос давал всегда уклончивый ответ на вопрос: Он — Сын Божий или же нет? Например: «ты сказал», «вы говорите, что Я» /Лк.22:70/ и так далее.

Мы сейчас скажем, в чем тут дело. Мнимая уклончивость ответов Христа, когда Он отвечал вопрошающим Его: «вы говорите», «ты сказал», всецело объясняется тем обстоятельством, что в греческом языке, на котором написаны наши Евангелия, нет специальных слов для выражения утвердительного и отрицательного ответа. Нет русских «да» и «нет». Обычной формой для выражения положительного ответа всегда являются слова λέγεις и δίδεις (ты говоришь). Не всегда, однако, Спаситель отвечает в такой, по-видимому, уклончивой форме. В четырнадцатой главе Евангелия от Марка мы читаем, что когда первосвященник обратился к Нему с торжественным вопросом: «Ты ли Христос, Сын Благословенного», Спаситель ответил: ἐγώ εἰμι — «Я есмь», и прибавил: «и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» /Марк.14:61-62/. Определеннее и яснее ответить нельзя. Нужно только пожалеть, что в русском переводе слова ἐγώ εἰμι бесцветно и неудачно переведены словом «Я»*.

* Барон Николай. Может ли образованный, современный, мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа? — СПб., 1909. С. 25.

Итак, нет возможности отрицать того факта, что Сам Христос заявлял о Своей Божественности в смысле воплощения Божества, заявлял не один раз, не туманно, не прикровенно, а вполне ясно и определенно.

На это нам говорят: Христос никогда не выдавал Себя за Сына Божия в смысле воплощения Божества. Напротив, Он часто называет Себя Сыном человеческим, чтобы этим подчеркнуть Свою человеческую природу. Если же Он и называл Себя «Сыном Божиим», то под этим наименованием Он разумел человека, подобного нам, в котором Божие, духовное начало достигло своего наивысшего развития. Другими словами: на основании свидетельств Иисуса Христа о Самом Себе рационалисты, как-то: Толстой, Ренан, Штраус, Кейм и многие другие, стараются доказать, что Спаситель не только никогда не выдавал Себя за существенно отличного от людей Сына Божия, но и ни в каком случае будто бы не мог этого делать, считая Себя совершенно равным с людьми во всех отношениях по Своей природе. Короче говоря: Христос называл Себя Сыном Божиим в общем значении, в каком это название применяется в Библии и к людям, т. е. в смысле нравственном. Сынами Божиими называются здесь все верующие в истинного Бога, родные, так сказать, Божеству по духу, по жизни; люди, находящиеся в нравственной связи с Божеством.

Мысль совершенно ложная. Есть все основания утверждать, что в устах Христа название «Сын Божий» имело не нравственный, а особый, специальный смысл, указывающий на особое отношение Его к Богу Отцу, на единство существа. Указание на такой смысл названия мы находим прежде всего в добавлении к нему эпитета «единородный», т. е. рожденный из существа Бога Отца, единосущный Отцу, следовательно — и равный Богу Отцу по Своему

достоинству*. Затем, Иисус Христос и Сам никогда в этом отношении не сливал Себя с людьми. Напротив, Он резко различал Себя и других в их сыновних отношениях к Богу. Он, например, никогда не говорил о Боге «наш Отец», а «Мой Отец» и «ваш Отец», чем указывает различие между Собою и людьми**.

Вот примеры.

Иисус говорит Марии: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» /Иоан.20:17/. «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» /Матф.6:6/; и «малому стаду» Своих учеников Христос говорит то же самое: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» /Лк.12:32/; «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» /Матф.18:10/ – и множество других примеров.

Так, Иисус Христос называет Бога Своим Отцом в особенном смысле, а не в том, в каком Его могли называть люди. Только один раз Он употребил выражение «Отец наш», но и то от имени людей в молитве, данной для людей.

Затем, усвоив Себе имя Сына Человеческого, Иисус Христос, однако, никогда не ставил Себя, так сказать, на одну доску с людьми, но относился к ним как их владыка и со стороны их требовал такого отношения к Себе, какое подобает только Богу. Это видно из следующих мест Свя-

* Профессор П. Светлов. Курс богословия. – Киев, 1899. С. 234.

** Профессор М. Тареев. Основы христианства. Т. 2. – 1908. С. 176.

щенного Писания: «Дабы все чтити Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его» /Иоан.5:23/. «Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий» /Иоан.5:26-27/. «Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» /Иоан.6:29/. «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать [Свою] Отец, Бог» /Иоан.6:27/.

Спаситель, называя Себя Сыном Человеческим, тем самым не приравнивает Себя к людям, но ставит Себя гораздо выше их, сынов Божиих, по благодати. Это видно еще из того, что Иисус Христос усвоил Себе, как мы видели, такие свойства, какие принадлежат одному только Богу, и затем из таких евангельских изречений, в которых Иисус Христос ясно и прямо подчеркивал свое превосходство пред всеми остальными, кого иудеи считали выше, чище и совершеннее всех в мире. Вот эти слова: «Царица Южная, — говорил Христос Спаситель, — восстанет на суд с людьми рода сего и осудит их, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона. Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы /Лк.11:31-32/. «Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны? Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма» /Матф.12:5-6/.

Словом, во всех четырех Евангелиях нет ни одного изречения, которое благоприятствовало бы мысли, будто

Иисус Христос признавал Себя только человеком, называя Себя Сыном Человеческим*.

Если же Христос постоянно выделяет Себя из группы сынов Божиих по благодати, если Христос, называя Себя Сыном Человеческим, приписывает Себе исключительно Божественные свойства, и от других требует к Себе такого же отношения, какое подобает одному только Богу, то отсюда ясно, как Божий день, что Иисус Христос был Сын Божий не по благодати, как прочие люди, а по естеству, по природе. Значит, Христос был не простой человек, как мы, а Богочеловек, в Котором два естества — Божеское и человеческое — соединились, по выражению Отцов Халкидонского Собора, «не слитно, неизменно, нераздельно, неразлучно».

В пользу Божественности Христа Спасителя говорит еще одна черта, именно — Его безгрешность. «Нигде мы не встречаем у Него, говорит барон Николаи**, ни грешного слова, ни неодобрительного поступка, нигде мы не видим в Нем и малейшего сознания собственной греховности и нужды в прощении, — даже в момент смерти, когда у человека обыкновенно падают все иллюзии и просыпается совесть. Кто, кроме Него, мог сказать: «Кто из вас обличит Меня в неправде?» /Ин.8:46/ Грешному человеку не придумать безгрешной личности. Вспомним, какими представлялись божества у языческих народов, — с человеческими страстями и слабостями. Даже Будда никогда не выдавал себя за безгрешного. Магомет пред смертью каялся в своих грехах пред Богом и просил о помиловании. У Христа мы ничего подобного не замечаем. Другие люди, знакомясь с

* Профессор И. Громогласов. Наименование Иисуса Христа Сыном Человеческим // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. Кн. 2 — 3. 1894.

** Барон Николаи. Может ли образованный, современный, мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа? — СПб., 1909. С. 29.

Ним, получали впечатление о своей греховности. Многие и в наше время испытывают то же самое от Его речей. У Него же Самого, совесть Которого была столь чутка, как ни у кого в мире, мы ни разу не замечаем ни сознания Своих недостатков, ни нужды в получении прощения грехов. «Ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего» /Ин.14:30/.

«Если бы, — говорит доктор Бушнелль, — Иисус Христос был грешник, то Он так же, как и всякий грешник, сознавался бы во грехе, в противном случае Он был бы лицемер, насквозь пропитанный притворством. В самом деле, каким образом выказал бы Он так много божественной красоты в своем характере, сохранил бы блеск ненарушенной гармонии и небесного величия в Себе, когда Ему пришлось бы делать все со смущенным духом и с сердцем, испорченным постоянным обманом, призраком добродетели?! Такой пример успешного лицемерия сам по себе сделался бы величайшим чудом, о котором когда-нибудь слышал мир»*.

Что еще бросается в глаза, что еще говорит о божественности Христа, так это то, что Христос не поддается никакому описанию, никакой характеристике. Многие ученые, художники, литераторы пытались изобразить Его и охарактеризовать с помощью своего гениального таланта, но все было напрасно. После долгих и упорных усилий все наконец пришли к тому заключению, что Христос не изобразим в литературе, что Его не может передать кисть, что Он необъясним с психологической точки зрения.

В самом деле, в Иисусе Христе есть что-то такое, чему нельзя даже подыскать названия. Кому приходится изображать характеры, тот хорошо знает, что каждый человек носит особый отпечаток, имеет индивидуальные особен-

* Д-р Шафф. Иисус Христос — чудо истории. Изд. 3-е. С. 41.

ности, типичные черты. Можно ли найти что-либо подобное у Христа? Можно ли сказать, что у Него рассудок перевешивает чувство или чувство перевешивает рассудок? Одерживает ли у Него верх энергия над благоразумием или благоразумие над энергией? Отличается Он набожностью, грустью или простодушием? Человек Он мысли или дела? С какой стороны мы ни взглянем на Него, мы готовы именно эту сторону признать за отличительный Его признак. Но когда мы всмотримся в Него пристальнее и прислушаемся к Нему дольше, то мы начинаем замечать, что все остальные стороны выдаются так же ярко. Мы не находим у Него даже специфических признаков его племени и времени. Он всесовершенен. А можно ли эту черту приложить к простому, обыкновенному человеку? Нисколько. Ограниченность — неизгладимая печать твари. Каждый человек может только до известной меры и в известном направлении осуществить возможности человеческой природы, и потому в каждом человеке одни духовные черты должны непременно выдаваться, другие — отступать. В этом лежит сущность индивидуальности. Каждый волей-неволей является человеком своего времени и народа, потому что личность складывается не из ничего, а из условий места и времени. Под их влиянием наполняется ум и образуется сердце. Поэтому ни один человек не может явиться выразителем всестороннего идеала человечества. Для этого ему следовало бы быть чем-то большим, чем простой единицей из людской суммы.

Когда же, напротив, Бог, абсолютное совершенство, принимает плоть и является в человеческом образе, то мы легко поймем, что в таком человеке должно выступать все совершенство, доступное человеческой природе вообще, что такой человек будет всесторонним, вечным идеалом человечества. Мы можем рассматривать такого человека с

любой стороны, и нам всегда будет казаться, что именно эта сторона в нем выражена ярче всего, потому что он со всех сторон представляет из себя идеал. Такой человек не может существенно двигаться вперед и развиваться, потому что полноту своего знания он приносит с высоты Божества, а не черпает из окружающего. Потому и мышление, и чувствование его не носит той печати односторонности, которая отличает народы и эпохи, и потому он одинаково близок людям всех времен и народов. Каждый видит и чувствует в нем свой идеал. Он всемирен, как полнота всех свойств, которыми в раздробленном виде обладает человечество. Бедное человеческое искусство привыкло обрисовывать кистью и пером личности, пользуясь именно их ограниченностью, т. е. теми частями идеала, которые отражаются в них. Перед самым идеалом, в котором, по сильному и меткому выражению апостола Павла, «обитает вся полнота Божества телесно», оно теряется и не умеет себе помочь. Словом, еще раз повторяем, Христос совершенно необъясним с психологической точки зрения.

Христа не могли изобразить не только психологи, но даже художники.

Выражением православного веросознания относительно этого может служить известное сказание об Эдесском правителе Авгаре, пожелавшем иметь изображение Христа и для этой цели посылавшем своего художника в Палестину. Тщетное желание! Гений человеческого художника не в состоянии был уловить ни единой черты Богочеловеческого лика, которую он мог бы запечатлеть своими руками на полотне, потому что для этого надо было бы умертвить эту черту, превратить ее в мертвую окаменелость, а между тем во Христе все было жизнь, движение, и Он был Сама жизнь... Только Сам Христос мог создать Нерукотворенный образ Своего безгрешного Лика, — т. е. отнюдь не

реально художественную картину, а именно только образ-икону, религиозно-символическое изображение, к которому не прикоснулась нечистая рука грешного художника и не положила ни единой, не только грешной, а даже и какой-либо реально-человеческой (т. е. мелочной) черты.

«Поучителен в данном случае, — пишет профессор М. Муретов*, — пример великого русского художника Иванова, автора знаменитой картины “Явление Христа миру”. Всмотритесь в это великое создание великого человека. Мощный, полный движения и выразительности образ Крестителя, “гласа вопиющего в пустыне”, и пораженные то наивно-детским, то спокойно-торжественным, то благоговейно-смирненным ожиданием провозглашаемого Агнца Божия — слушатели и ученики пророка пустыни. Вся обстановка картины, все ее мелочи, детали — все дышит жизнью, наглядно, реально, — все это как бы живым взято из-за дали веков, мест и народов и целиком перенесено на полотно великим русским художником кисти и красок. Но, владея даром открывать и изрекать языком красок самые глубочайшие тайны человеческой души и сокровенная «святая святых» нравственно-религиозного гения человеческого, величайший художник оказался немощным в изображении центральной фигуры своей картины — Христа. Истинно-православный гений громко говорил художнику, что изобразить Христа в реально-художественном виде, хотя бы и с привлекательным, но все же только типично-человеческим лицом сирийца или даже иудея, значило бы все обратить в Ренановскую карикатуру. Религиозный гений подсказал Иванову, как нельзя изобразить Христа, но он не мог дать ему ответа на вопрос:

* Профессор М. Муретов. Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса». — Сергиев Посад, 1892. С. 104.

как должно изобразить Христа в этой реально-художественной обстановке картины, потому что Христос, в этом смысле, не описуем и не изобразим. В виду этого и образ Христа на оцениваемой нами картине производит впечатление чего-то незаконченного, второстепенного, туманно-неопределенного».

То же наблюдение сделал и живописец La Sizeranne в *Revue des Deux Mondes*, в интересной статье об анахронизме в искусстве. Именно недостатком типических черт La Sizeranne объясняет невероятные затруднения художников при изображении Христа. Одни выражают известные черты, например непреклонность воли в выдающейся нижней челюсти; пронизательность ума в маленьких, зорко глядящих из под тяжелых век глазах, как сделал это Мункачи в своем Христе пред Пилатом, и этим впадают в вопиющее противоречие с Евангелием. Другие избегают всякого резкого признака и впадают в общий шаблон человека без тепла и жизни. Этим они еще более удаляются от евангельского образа, потому что есть ли что жизненное и привлекательнее личности Христа? «И вот почему, — прибавляет La Sizeranne, — дрожала рука Леонардо, когда он писал лик Христа. Художника охватывал не только религиозный трепет, но и страх уловить то жизненно-правдивое, не ограниченное никакой особенностью выражение, какое он должен был дать Христу»*.

Так это в живописи, так это и в слове. Художники пера тоже при всем своем старании, при всем своем искусстве никак не могли воспроизвести личность Христа Спасителя и воплотить ее в буквах своих многочисленных художественных произведений.

---

* Профессор М. Моравский. Вечера над Леманом. — Лейпциг, Изд-во. рел.-фил. библиотеки, 1899. С. 92.

Возьмем, например, «Жизнь Иисуса» Ренана. Что это за книга? Что представляет она собой? Как передает она Христа?

Увы! Книга Ренана — роман*, и роман не исторический, потому что его соткала фантазия писателя. Он не имеет даже литературного значения, потому что такой, составленный из кусочков Христос, каким Его сделал Ренан, не может существовать. Это ходячее противоречие. От «наивного невежды», расхаживающего по праздничным пирам на берегах Тивериадского озера и сочиняющего для своих сотрапезников заманчивые притчи, нет правдоподобного перехода к тому «мрачному исполину», который в Иерусалиме ни с того ни с сего берет на себя роль Мессии, двусмысленными средствами поддерживает ее и, раздраженный сопротивлением, позволяет дурному своему настроению довести себя до ничем не оправдываемых поступков. Первая из этих двух фигур не содержит в себе материала для второй. А как согласить мнимые чудеса, ложную ссылку на происхождение от Давида, присвоение еще при жизни апофеоза, приписываемые Христу Ренаном, с абсолютной чистотой характера, которой дивится тот же Ренан, с любовью к справедливости и правде, за которые живет и умирает Христос? Несчастные усилия автора смягчить и прикрыть эти разногласия только резко выдвигают их непримиримое противоречие. Одним словом, образ, который хотел Ренан создать, несмотря на величайший произвол, допущенный им по отношению к текстам и источникам, совершенно не удался.

---

* (Обстоятельно развивает эту мысль и подробно аргументирует ее проф. Муретов в своей книге: «Очерки из новейшей истории экзегеза и критики Нового Завета». Ч. 2. Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса». Сергиев Посад, 1892. С. 75—137.)

«Ренан, — пишет проф. Муретов, — создал только художественную обстановку для лика Христа, но он не смог, благодаря отсутствию необходимого тут религиозного гения, начертать самого Христа, как Богочеловека и Искупителя мира. Он нарисовал, поэтому и мог нарисовать только карикатуру в виде местно-палестинского моралиста и реформатора»*.

Если же Христа не могут изобразить ни психологи, ни художники, ни ученые, то, значит, Иисус Христос был не человеком, а сверхчеловеком, потому что человеческое всегда подвластно нам, всегда постижимо и изобразимо, а Божественное — никогда.

Выставляют еще одно довольно сильное и трудно для других опровержимое возражение, которое мы сейчас рассмотрим и критически разберем.

Говорят: «Евангелисты хотели сделать Христа Богом и, как видим, действительно сделали».

Но это уловка, притом такая, которая ничего не объясняет. Известное выражение Руссо по этому поводу справедливо до сих пор: «Труднее представить себе, чтобы четверо людей сговорились сочинить четыре таких книги, как Евангелия, чем допустить, что один человек был действительно героем этих книг»**. В наши дни, благодаря более глубокому исследованию четвероевангелия, это стало очевиднее, чем когда-либо.

Если бы евангелисты создали своего героя на основании предварительного соглашения, то они столкнулись бы тщательнее. Они не впали бы в десятки мелких различий и противоречий, которыми их злорадно попрека-

---

* Там же. — С. 87.

** Профессор М. Моравский. Вечера над Леманом. — Лейпциг, Изд-во. рел.-фил. библиотеки, 1899. С. 97.

ет Штраус. Эти разногласия, конечно, приносят немало хлопот экзегету, но историку и мыслителю нимало не мешают находить у всех четырех писателей одну и ту же превосходно нарисованную фигуру. И это относится не только к главным событиям, которые они рассказывают единогласно, но и ко всем мелким чертам, приводимым ими. «Мы, например, не знаем, — пишет профессор Моравский*, — как согласуются между собой подробности, с какими Матфей, Лука и Иоанн описывают утро воскресения, но и это меня нисколько не заботит, но я знаю, что Матфей не приписывает своему Христу ни одного слова и ни одной черты, которые не подходили бы самым точнейшим образом к тому Христу, которого рисуют Лука и Иоанн. При этом каждый из них сохраняет свою авторитетную индивидуальность, и все они обнаруживают особый интерес к разным сторонам своего предмета. Это высшее положительное единство идеи при различии материала никаким образом не может быть следствием соглашения, а тем менее — произвольного вымысла».

Относительно подлинности Евангелий существует больше критических доказательств, чем относительно какого бы то ни было другого исторического памятника, и доказательства эти в руках современной науки, как известно, умножаются с каждым днем.

Но и без них ясно, что евангелисты не выдумали евангельского Христа. Все они — иудеи: это ясно видно по их стилю, даже по их личному образу мыслей. Если бы они должны были создавать Христа по собственному разумению, они непременно сделали бы его или вождем иудеев, побеждающим язычников, или, если бы это оказалось невозможным по историческим данным, — типичным рав-

* «Богословский Вестник». 1911. Апрель. С. 703.

вином. Между тем евангелисты этого не сделали. И, вопреки нашим предположениям и ожиданиям, изобразили Его полным противником религиозного мировоззрения иудейских раввинов. Так, раввины, как и иудеи, с самарянами не общались. Христос же беседовал с самарянкой, просил у нее воды напиться, ходил к самарянам и учил их. Далее, раввины свято хранили субботу и ничего не позволяли совершать в течение ее. Христос же нарушал субботний покой, учил, исцелял, делал добрые дела в седьмой день недели. Раввины учили, что в Царствие Небесное войдут только правоверные иудеи, дети Авраама, а Христос обещал язычникам востока и запада преимущество пред сынами Авраама в Своем Царстве. Раввины учили и говорили преимущественно о внешнем, чисто формальном исполнении закона, Христос же проповедовал о поклонении Богу духом и истиною, — и так далее.

Затем, если взглянуть на дело с другой стороны, то нужно сказать, что евангелисты, создавая своего Христа, сделали бы Его чем-нибудь в роде стойка. Они придали бы своему герою, особенно ввиду намерения представить Его Богом, непреклонную стойкость, мужество и самообладание, непоколебимые, как скала. Но чтобы наряду с этим жила бесконечно прекрасная чувствительность, разделяющая человеческие несчастья, чтобы этот Христос, не спускаясь со Своей высоты, мог тронуться будущей гибелью города, плакать, плакать у гроба друга, ласкать и целовать детей, сидеть за столом с мытарями, позволить Магдалине оросить слезами Его ноги, простить ей грехи за то, что она возлюбила много, умыть ноги ученикам и глубоко скорбеть перед разлукой с ними — всего этого ни в коем случае не могли сочинить евангелисты, потому что это просто не пришло бы им в голову.

Но они идут дальше. Они не стыдятся рассказывать об Его смерти на виселице того времени. Может быть, скажут, что их принудила к тому общеизвестность этого главного события? Но кто заставлял их говорить о Его заушении слугою и о стольких других унижительных подробностях? Это в самом деле непонятно в учениках, стремящихся сделать своего Учителя Богом. Но они отваживаются на большее: они без смущения рассказывают, что этот герой томился скорбью пред страданиями, просил у Отца пощады, что на Него напала тоска и... страх... Рассказы об этих вещах должны казаться древним христианам объяснимыми. У гностиков они вызвали обидные упреки и насмешки. И действительно, объяснить их можно только верностью фактов и рабской правдивостью свидетелей. Конечно, такой Христос, всесторонний человек, исполин в Своей слабости, полный чувства, но и величия, бесконечно выше бессердечного стойка. Мы это чувствуем теперь. Но такого Христа не сочинишь!

Да и как такие люди могли выдумать такой недостижимый идеал любви, для которого не находилось формы и содержания во всей древности? Любовь в древности никогда не выходила за стены родного города, и даже эта любовь к родине была проложена гордостью, себялюбием и ненавистью к иноземцам. Христос являет миру Свое бесконечно широкое сердце, и в Отце любит всех людей, близких и дальних, добрых и злых, учеников и врагов. И как искренна Его любовь, как деятельна и готова на жертву, как всестороння! Она смягчает всякую человеческую скорбь, удовлетворяет все душевные и телесные стремления. Чтобы выразить все, нам пришлось бы пересказать все Евангелие, всю жизнь Сына Человеческого, являющуюся одним непрерывным рядом благодеяний, которые Он оказывал людям днем и ночью, в трудах и голоде, Сам не

зная, где главу преклонить, до самой последней жертвы, жертвы собственной жизнью. Когда читаешь, что Он на кресте молился за Своих врагов, и потом — что Он поручил Свою Мать ученику, то, право, не знаешь, что больше восхищает: там Он стоит как небесно-высокий идеал, а здесь чувствуешь, что Он близок нам, что мы касаемся Его. Он в одно и то же время самый возвышенный и самый естественный человеческий образ, необъяснимое соединение идеала с действительностью.

И такое чудо могло возникнуть в головах нескольких иудейских писателей?

Нетрудно доказать, что все, сказанное о любви Христовой, можно сказать и о Его мудрости. Она приводит в изумление как учеников, так и врагов. В ней нет признака той ограниченности, которой отличается человеческая мудрость. То же самое мы говорили о Его нравственной чистоте и святости. И так обстоит дело со всяким свойством, которое рассматриваешь в евангельском Христе. Везде — одно непостижимое, нигде нет границ, одним словом — везде прорывается абсолютное. Поэтому евангелисты не могли создать этот образ. Они были люди, а образ этот Божествен.

Но, может быть, Сам Христос обманывался? Может быть, Он Сам искренно верил тому, что говорил? Проще говоря, может быть, Христос увлекался Своими мечтаниями?

На все эти вопросы дает прекрасный ответ доктор Шафф, слова которого мы приведем здесь полностью, чтоб не ослабить их силы и влияния.

«Постоянная ясность, спокойствие, самообладание, скромность, достоинство и терпение Христа представляют радикальную противоположность тому, что составляет отличительный признак мечтателя. Неужели такой дух,

ясный как небо, живительный как воздух, пронизательный как меч, здоровый и мощный, всегда верный самому себе, — неужели такой дивный дух способен на такое глубокое, роковое самообольщение и ошибку насчет своего призвания? Считать Христа за “сумасшедшего” человека или за “сознательного обманщика” никто, конечно, не станет, кто по Евангелию познакомился с Ним».

Еще одно роковое сомнение.

Толстой и многие другие «совопросники века сего» говорят, что христианский догмат воплощения Сына Божия противоречит основным законам человеческого разума. «Бог не может воплотиться, потому что человек ограничен определенными условиями пространства и времени, а Бог не подлежит им».

«Утверждать, что Бог сделался человеком, не значит ли утверждать, что безусловное сделалось условным?»

«Мысль о воплощении Бога не может вложиться в рамки человеческого разума»*.

Итак, мало-помалу выясняется, что многие отрицают Божество Иисуса Христа не потому, что есть веские основания к тому, а потому, что истина воплощения Сына Божия непонятна и непостижима для человеческого разума.

Но ведь это не доказательство, не возражение и не опровержение. Нельзя же в самом деле отрицать что-либо только потому, что оно непонятно и недоступно для слабого и ограниченного человеческого разума. Это говорит только об одном, именно — том, что мы еще не доросли до его понимания, а вовсе не о том, что этого быть не может. Теперь это непонятно и недоступно для нас, но пройдут

* Профессор Гусев. О сущности религиозно-нравственного учения Толстого. Изд. 2-е. С. 164 – 165.

века, человеческий разум разовьется, обогатится опытом и будет в состоянии усвоить то, что теперь не поддается его усвоению.

Вот несколько исторических иллюстраций к нами развиваемой и доказываемой мысли.

Приблизительно лет сто тому назад один французский ученый заявил, что он напал на след такого открытия, которое даст людям возможность в течение одного получаса отправить запрос в Китай и получить оттуда ответ. И что же? Этого ученого подняли на смех и назвали сумасшедшим. Почему? Да потому, что в то время еще не доросли до мысли об электрическом телеграфе и рассуждали «по данным того времени», т. е. рассуждали так: «Если гонец будет скакать безостановочно, без сна и без отдыха, день и ночь в Китай или парусный корабль поплывет туда с неизменно попутным ветром, то и в таком случае потребуется на это по крайней мере несколько месяцев».

Другой пример. Стоит только вспомнить переворот, произведенный открытием радия с его поразительными, неслыханными дотоле свойствами. С каким недоверием вначале отнесся научный мир к известию об этом грандиозном открытии! Как великие светила, многие авторитетные и знаменитые ученые пожимали плечами, с улыбкой встречая заявления госпожи Кюри. И все же оказалось, что невозможное и невероятное стало вполне понятным, возможным и действительным.

И таких примеров можно привести еще не один и не два, а несколько десятков. Желаящие ознакомиться с ними могут обратиться к интересной статье Камилла Фламариона «Неверующие», которая вся состоит из подобного рода иллюстраций. Все они с достаточной убедительностью говорят о том, что недоступное для нашего понимания те-

перь может сделаться доступным после, так что отрицать что-либо непонятное и непостижимое только потому, что оно непонятно и непостижимо, будет нарушением логических правил и возвращением к старым, средневековым приемам мышления.

Затем, нам говорят, как это мы видели из последнего возражения, что понятие о Богочеловеке включает в себе внутреннее противоречие, ибо безусловное не может стать условным.

В этом возражении кроется просто недоразумение. Ведь Церковь никогда не учила и не учит, будто бы в Богочеловеке божеская и человеческая природы как-нибудь изменились или утратили принадлежащие каждой из них отличительные особенности. Напротив, христианская Церковь еще в эпоху вселенских соборов раз навсегда, ясно и определенно заявила, что каждая из двух природ, соединившихся в Богочеловеке, остается вполне неизменной и безусловно сохраняет присущие ей особые свойства. Так что соединение безусловной природы с условной не включает в себе ни малейшего противоречия. Противоречие в данном учении было бы только тогда, когда бы речь шла не о соединении двух противоположных естеств, а о превращении одного в другое. Но раз Церковь учит о соединении, то, значит, о противоречии не может быть и речи*.

Вот, приблизительно, все возражения против Божественности Христа Спасителя. Других сомнений пока не имеется.

---

* *Богочеловечество оправдывают с философской точки зрения такие авторитетные мыслители, как В. Соловьев. Чтения о богочеловечестве. Т. 3. 2-е изд. С. 3 – 186.; С. Трубецкой. Учение о Логосе. Т. 4. – 1906. С. 377 – 454.; В. Несмелов. Наука о человеке. Т. 1 – 2. – Казань, 1906.*

Подводя итог критической оценке всех приведенных нами возражений, сомнений и недоумений, мы должны сказать словами барона Николаи:

«Чем больше размышляем мы над личностью Иисуса из Назарета, тем загадочнее она становится. Поневоле приходишь к заключению, что если Он не Тот, за кого Он Себя выдавал, — не есть воплощение Божества, а только человек, то Он является невозможнейшим сочетанием высочайшей нравственной высоты и глубочайшего шарлатанства, величайшей гениальности и сумасбродства, глубочайшего смирения и невообразимой гордости, неподобной правдивости и гнуснейшего обмана и лжи, удивительнейшей пронизательности и невозможнейшего самомнения, высшей трезвости и разумности в суждениях и поступках, и непостижимой экзальтации, — словом, он был бы невозможным, неземным чудовищем.

Если же то, что Он говорил о Себе и о Своей Божественности, — истина, то все черты Его характера сливаются в чудный гармонический образ неземной красоты и совершенства».

